

11) оглавленіе указателя безусловно необходимо, въ интересахъ практическихъ, представить въ болѣе совершенномъ видѣ, отмѣтивъ страницы каждаго года войны, а еще лучше—напечатавъ въ правомъ верхнемъ углу каждой печатной страницы жирнымъ шрифтомъ соотвѣтствующій годъ, что значительно облегчитъ скорое наведеніе справокъ, которое въ настоящее время крайне затруднительно, такъ какъ оглавленіе, напримѣръ, кратко указываетъ, что Сѣверная война занимаетъ 4—38 стр., война 1769—1774 гг. стр. 95—159, а это не избавляетъ отъ «розыска» справки по значительному числу страницъ;

12) наконецъ, было бы полезно приложить и *дневникъ военныхъ событій*, въ которомъ только перечислить годъ и мѣсяць и страницу указателя, на которой напечатанъ конспектъ событія...

Осуществленіе нашихъ пожеланій, помимо труда, потребуетъ и не мало новыхъ расходовъ на дальнѣйшее изданіе хронологическаго указателя, но мы надѣемся, что *армія и флотъ*, опѣнивъ безспорныя достоинства указателя и почувствовавъ несомнѣнную его пользу, окажутъ составителямъ *заслуженную* ими нравственную и матеріальную поддержку, *сдѣлавъ указатель своею настольною книгою*.

Искренно желаемъ составителямъ довести свое «*чрезвычайное дѣло*» до конца, а хронологическому указателю—самого широкаго распространенія, — ему *не можетъ быть не отведено почетное мѣсто въ войсковыхъ библіотекахъ и въ собраніяхъ книгъ интересующихся военною исторіею*.

Въ заключеніе же, советуемъ скромнымъ составителямъ, для вѣщей пользы дѣла, *раскрыть инкогнито редакціи хронологическаго указателя*, указавъ въ объявленіяхъ свой адресъ, такъ какъ только тогда другіе историки получаютъ дѣйствительную возможность оказать посильное содѣйствіе въ работѣ, въ которой, повторяемъ, одной энергіи составителей недостаточно, а нуженъ и «сикурсъ».

А. М. Борисевичъ.

Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года
собранныя и изданныя П. И. Щ у к и н ы м ъ. Часть X. Москва,
1908 годъ. Страницъ in-folio 497.

Настоящій выпускъ Щукинскаго сборника содержитъ много цѣннаго въ историческомъ отношеніи матеріала. Но, какъ и во всѣхъ предшествовавшихъ выпускахъ, на ряду съ документами, непосредственно относящимися къ исторіи Отечественной войны, имѣются въ немъ и бумаги, частью чуждыя значенія для сказанной исторіи, частью и вовсе лишеныя какого-либо общаго историческаго интереса. Такъ, «дѣло о дворовой дѣвкѣ Аннѣ Зиновьевой» касается мел-

кой кражи и никакого отношенія къ нашествію иноплемениковъ не имѣеть. Того же характера и многіе изъ мелкихъ документовъ. На бумагахъ послѣдней категоріи мы останавливаться не будемъ.

Сборникъ начинается обширною запискою (23 страницы печатнаго текста in-folio)—*Путешествіе графа И. А. Безбородко на Кавказъ въ 1812 году*. Выѣхавшій «на долги» изъ Петербурга 16-го мая «къ минеральнымъ водамъ горячимъ и кислымъ», графъ прибылъ 17-го іюня въ Константиногорскъ (Пятигорскъ?), окруженный пятью горами: Машукомъ, Бештау, Змѣевой, Лисой и Верблюжьей, откуда предпринималъ повременно «походы» въ Есентуки, Желѣзноводскъ и Кисловодскъ. Записка полна данными о маршрутѣ путешествія и о количествѣ принятыхъ графомъ ваннъ. Наиболѣе интереснымъ въ ней является свидѣтельство о наличности въ окрестностяхъ минеральныхъ ключей значительнаго количества шотландскихъ и нѣмецкихъ колоній и о старательномъ стремленіи шотландцевъ обратиться въ свою вѣру сосѣднихъ горцевъ. Имѣется краткое и недостаточно обстоятельное описаніе «регулярной и обширной» крѣпости Дмитрія Ростовскаго, лежавшей въ 1½ верстахъ отъ Нахичевани.

Дѣло о переѣздѣ московскаго горнаго управленія въ Нижний Новгородъ въ 1812 году. Вопросъ о переѣздѣ названнаго управленія изъ Москвы былъ поднятъ 18-го августа. Главными грузами являлись: «денежная казна въ золотой монетѣ и ассигнаціяхъ», золото въ слиткахъ (24 фунта), серебро въ слиткахъ (150 пуд.) и штыковая мѣдь (3.500 пуд.). Огромное количество документовъ касается выдачи пособій чиновникамъ управленія, потерпѣвшимъ при занятіи Москвы непріателемъ, а также распоряженій по обратному переѣзду управленія изъ Нижняго Новгорода въ Коломну. Болѣе или менѣе содержателемъ лишь рапортъ чиновника Тихонова о занятіи столицы непріателемъ 2-го сентября и о дальнѣйшихъ событіяхъ въ городѣ. Отмѣтимъ положительное свидѣтельство Тихонова, что «Москву французы зажигали».

Дѣло капитана Буржуа 1812—1813 и., по существу своему, заключается въ слѣдующемъ: нѣкій Лутугинъ заключилъ въ Парижѣ со швейцарской службы капитаномъ Буржуа условіе на отдачу послѣднему въ аренду его имѣнія въ Россіи. По смерти Лутугина, совпавшей съ началомъ Отечественной войны, вдова его возбудила ходатайство объ устраненіи арендатора и объ истребованіи отъ него отчета по управленію имѣніемъ. Мѣстное губернское правленіе, «считая непристойнымъ и несовмѣстнымъ съ нынѣшними военными обстоятельствами, чтобы иностранецъ изъ земли союзной съ непріязненною Россійскою имперію державою управлялъ въ теперешнее время русскими подданными», постановило ходатайство Лутугиной уважить.

Журналъ исходящихъ бумагъ канцелярїи московскаго генералъ-губернатора графа Растопчина съ іюня по декабрь 1812 года, представляющій собою скорѣе сборникъ черновыхъ отпусковъ исходя-

щихъ бумагъ и занявшій въ разсматриваемой книгѣ свыше 200 страницъ, въ значительной своей части заключаетъ различныя административныя распоряженія генераль-губернатора преимущественно мелочного характера: о перемѣщеніи чиновъ гарнизона изъ одной части въ другую, о взысканіяхъ, о командировкахъ, о выдачѣ паспортовъ, о нарядахъ воинскихъ чиновъ на работы и т. п. Распоряженія генераль-губернаторомъ чаще всего отдавались: московскаго гарнизоннаго полка шефу Брозину, московскому коменданту генераль-лейтенанту Гессе, московскому гражданскому губернатору тайному совѣтнику Обрѣзкову и смотрителю московскаго военнаго госпиталя генераль-маіору графу Толстому. Не мало имѣется въ сборникѣ и интересныхъ документовъ, сущность коихъ и постараемся передать въ возможно сжатомъ видѣ.

Въ іюньскихъ бумагахъ обращаетъ на себя вниманіе просьба военнаго министра о томъ, чтобы графъ Растопчинъ взялъ въ свои руки заготовку въ Москвѣ провіанта для войскъ. Тѣ же бумаги полны соотвѣтственныхъ этому распоряженій генераль-губернатора.

Изъ письма графа Растопчина къ генераль-лейтенанту графу А. А. Клейнмихелю, относящагося къ началу іюля, видно, что 6-ти-баталіонный московскій гарнизонный полкъ служилъ въ то время какъ бы запасною воинскою частью: изъ полка этого высылались въ дѣйствующую армію, на ея укомплектованіе, унтеръ-офицеры и рядовые; изъ его чиновъ формировались кадры для вновь создававшихся частей полевыхъ войскъ; въ полку обучались рекруты, направлявшіеся затѣмъ на пополненіе различныхъ воинскихъ частей; бывали даже случаи назначенія цѣлыхъ баталіоновъ гарнизоннаго полка въ кадры вновь формировавшихся частей, каковая мѣра сопровождалась перетасовкою въ полку офицерскаго состава, ибо въ числѣ гарнизонныхъ офицеровъ было много «по лѣтамъ престарѣлыхъ» и «одержимыхъ болѣзненными припадками». Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что до такихъ командировокъ въ полку состояло: унтеръ-офицеровъ—302, музыкантовъ—118, строевыхъ рядовыхъ—3,700 и нестроевыхъ—259; послѣ же направленія $\frac{2}{3}$ личнаго состава полка на укомплектованіе 27-й пѣхотной дивизіи, въ полкъ было направлено 4,901 человекъ рекрутовъ. Какъ видно изъ письма Растопчина военному министру, генералу-отъ-инфантеріи Барклаю-де-Толли, трепали московскій гарнизонный полкъ ужасно. Эта трепка къ концу іюля достигла такихъ размѣровъ, что Растопчинъ началъ горько сѣтовать на «обстоятельства, могущія неминуемо разстроить московскій гарнизонный полкъ, содѣлать его совершенно неспособнымъ на службу и предать рекрутамъ сохраненіе казны въ разныхъ мѣстахъ и благоустройство всего города».

Кромѣ того, въ іюльской перепискѣ заслуживаютъ быть отмѣченными бумаги, касающіяся: добротнаго, быстрого и безвозмезднаго изготовленія купцами Ивановъ и Андреемъ Быковскими и Василіемъ Назаровымъ 84 лафетовъ, по образцу, выданному имъ изъ московскаго арсенала; формированія полковникомъ графомъ Салтыковымъ, за свой счетъ, московскаго 10-ти эскадроннаго гусарскаго полка; организаціи въ Вереѣ ополченій, прибывавшихъ изъ внутреннихъ губерній при офицерахъ и унтеръ-офицерахъ московскаго гарнизоннаго полка; мобилизаціи матеріальной части артилеріи, хранившейся въ московскомъ арсеналѣ; формированія пѣхотныхъ полковъ: 12-го и 13-го—въ Москвѣ, 9-го—въ Завидовѣ, 10-го—въ Клину, 11-го—въ Твери и 14-го—въ Подолѣ; снабженія арміи обозомъ, экстренно собранымъ въ частныхъ мастерскихъ города Москвы; наконецъ, организаціи изъ дворянскихъ ополченій «Московской военной силы» подъ руководствомъ генераль-лейтенанта графа Маркова.

Изъ августовской переписки, между прочимъ, усматривается, что графъ Раstopчинъ, въ качествѣ главнокомандующаго въ Москвѣ, имѣлъ право разжалованія собственною властью чиновниковъ въ рядовые, каковую мѣру онъ примѣнилъ къ коллежскому регистратору Шпарину, «пойманному и изобличенному въ кражѣ». Въ тѣхъ же бумагахъ находимъ свѣдѣнія: о продовольствіи французскихъ дезертировъ и военноплѣнныхъ, коимъ полагалось въ сутки: полнымъ генераламъ—по 8 р., генераль-лейтенантамъ и генераль-маіорамъ—по 4 р., полковникамъ—по 3 р., подполковникамъ и маіорамъ—по 2 руб., оберъ-офицерамъ—по 1 руб., нижнимъ чинамъ военноплѣннымъ, кромѣ провіанта—по 10 к., нижнимъ чинамъ дезертирамъ, также кромѣ провіанта—по 15 коп.; объ «уклоненіи отъ наукъ» воспитанниковъ московскаго военносиротскаго отдѣленія, стремившихся поступить на военную службу во вновь формируемые полки, каковое стремленіе признавалось Раstopчинымъ непозволительнымъ; о формированіи въ Подольскѣ пѣшаго казачьяго полка и въ Воронежѣ 2-го егерскаго; о добротной и безвозмездной поставкѣ для потребностей пребывавшихъ въ Москвѣ войскъ сухарей и печенаго хлѣба «купеческими дѣтьми» Платономъ Павловымъ, Герасимомъ Семеновымъ и другими. Въ двадцатыхъ числахъ августа изъ Москвы въ Казань были направлены питомцы и имущество московскаго воспитательнаго дома, подъ которыхъ потребовался транспортъ въ 300 подводъ; транспортъ выступилъ подъ охраною отряда московскаго гарнизоннаго полка въ 50 нижнихъ чиновъ при 2-хъ офицерахъ. 28-го и 29-го августа изъ канцеляріи генераль-губернатора была выдана цѣлая серія паспортовъ на выѣздъ изъ Москвы; паспорта выдавались преимущественно раненымъ офицерамъ.

1-мъ числомъ сентября помѣченъ цѣлый рядъ распоряженій, касавшихся очищенія Москвы въ виду приближенія непріятели. Такъ

генераль-лейтенанту Брозину было приказано, чтобы московскій гарнизонный полкъ былъ готовъ къ выступленію изъ столицы въ 24 часа, причемъ сборнымъ пунктомъ назначался Донской монастырь; провіантской комисіи было разрѣшено отправить въ Ярославль нужнѣйшія дѣла съ частью чиновниковъ, но при условіи, чтобы другая часть таковыхъ осталась въ Москвѣ до послѣдней возможности и занялась организаціей продовольствія проходившихъ черезъ городъ войскъ: различные транспорты съ казеннымъ и частнымъ имуществомъ были направлены во Владиміръ, а оттуда, уже по приказанію главнокомандующаго князя Голенищева-Кутузова, въ Нижній Новгородъ; выдана масса паспортовъ на выѣздъ изъ Москвы раненымъ офицерамъ и т. д. Того же числа былъ отданъ рядъ распоряженій по поводу задержанія бѣглыхъ нижнихъ чиновъ и морадеровъ, изъ коихъ отмѣтимъ два: московскому оберъ-полицеймейстеру предписано «шатающихся по городу здоровыхъ и легко раненыхъ воинскихъ чиновъ брать подъ караулъ» и освѣдомить обывателей, что укрыватели шатающихся «преданы будутъ строжайшему сужденію»; московскому губернатору предложено, пользуясь имѣющимися на мѣстахъ командами московскаго гарнизоннаго полка и призывая на помощь сельскихъ жителей, ловить въ Рузскомъ, Волоколамскомъ и Верейскомъ уѣздахъ морадеровъ и бѣглыхъ изъ арміи, а «кто будетъ сопротивляться, то таковыхъ стрѣлять и бить, которые же будутъ пойманы, тѣхъ отправлять въ армію прямо къ его свѣтлости Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову».

4-го сентября Раstopчинъ доносилъ Кутузову, что *бывшій* московскій гарнизонный полкъ и состоящіе при немъ арестанты третій день какъ не имѣютъ провіанта.

10-го сентября Раstopчинъ находился въ Красной Пахрѣ. Отсюда онъ отдавалъ распоряженія собирать всюду мірскіе сходы и объявлять на нихъ, чтобы міряне немедленно вооружались и чинили непріятелю всяческія сопротивленія; рекомендовалось вооружаться огнестрѣльнымъ оружіемъ, а гдѣ такого не найдется—вилами, косами, топорами и кольями; забранныхъ непріятелей приводить къ нему, графу Раstopчину, а будетъ онъ постоянно пребывать при главной квартирѣ.

15-го сентября Раstopчинъ предложилъ московскому гражданскому губернатору Обрѣзкову, «чтобы во всякомъ уѣздномъ городѣ, не занятomъ еще непріятельскими войсками, оставались бы городничій и капитанъ-исправникъ съ засѣдателями до тѣхъ поръ, какъ непріятельскія войска будутъ въ самомъ ближайшемъ разстояніи, чтобы не случилось такъ, какъ въ Подольскѣ, изъ коего заблаговременно всѣ присутствующіе уѣхали...» Тогда же, благодаря тамбовскаго губернатора Нилова за сборъ и вооруженіе 12 тыс. ополченцевъ и сообщая, что Москва «по стеченію чудесныхъ и невоображаемыхъ обстоятельствъ» въ рукахъ врага, Раstopчинъ просилъ его: «Обратите со-

бранное вами ополченіе на защиту ввѣренной вамъ губерніи, поставьте его на границахъ оной и сохраните спокойствіе и благосостояніе жителей». Изъ бумагъ того же числа видно, что, по распоряженію Кутузова, на продовольствіе арміи «съ каждой души московской губерніи собрано печенымъ хлѣбомъ по два пуда, скотъ же весь описанъ»

16-го сентября, графъ Растопчинъ сообщалъ коменданту первой Западной арміи, полковнику Ставрикову: «Я никакой канцеляріи при себѣ не имѣю, и какъ московская губернія находится нынѣ въ военномъ положеніи, то за симъ я не могу входить ни въ какія распоряженія по оной и нахожусь при главной квартирѣ единственно своею особою по разнымъ порученіямъ Его Императорскаго Величества». Черезъ два дня, сообщая о томъ же министру полиціи Балашеву, онъ пишетъ, что остается лишь «зрителемъ престрашныхъ безпорядковъ, продолженіе коихъ можетъ произвести погибель имперіи». Изъ этого же письма, между прочимъ, видно, что находившееся до того времени подъ иадзоромъ графа Растопчина ополченіе достигало по численности 110 тыс. человѣкъ и было обезпечено провіантомъ на три мѣсяца, а также, что московская губернія, уже послѣ занятія непріателемъ четырехъ ея уѣздовъ, все же выставила для нуждъ арміи 62 тыс. подводъ въ качествѣ обоза.

19 сентября, въ бытность свою въ Тарутинѣ, отвѣчая Кутузову на его предложеніе возвратить коломенскихъ чиновниковъ къ ихъ должностямъ, Растопчинъ пишетъ, что предложеніе направлено не по адресу и что онъ тутъ непрічемъ. Письмо это полно ѣдкостей. «Московская губернія находится теперь въ самовольномъ (sic.) военномъ положеніи»; жители и чиновники изъ Москвы и пятидесятиверстныхъ ея окрестностей разбѣжались, «опасаясь быть ограбленными отъ непріателя, а болѣе отъ своихъ раненыхъ, больныхъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ, всюду шатающихся единственно для раззоренія соотечественниковъ»; «Высочайше ввѣренная мнѣ столица скоропостижно отдана вами злодѣю»; ему, Растопчину, находящемуся при главной квартирѣ, ничего не сообщается о распоряженіяхъ по московской губерніи, при чемъ онъ «наравнѣ съ арміей, лишень чести видѣть лицо» главнокомандующаго; при главной квартирѣ онъ, Растопчинъ, пребываетъ «не по своей винѣ» и коль скоро исполнить особыя порученія, Высочайше на него возложенныя, не преминетъ отбыть въ мѣсто пребыванія Государа Императора.

21 сентября Растопчинъ отбылъ въ Калугу, оттуда во Владиміръ и 25 или 26 числа направился въ Петербургъ «съ важнѣйшими донесеніями къ Его Императорскому Величеству». Далѣе въ сборникѣ черновыхъ бумагъ Растопчина слѣдуетъ перерывъ до 31 октября.

31 октября, въ очищенную непріателемъ первопрестольную столицу вступилъ московскій гарнизонный полкъ, но уже въ составѣ лишь трехъ баталіоновъ. Прибывшій къ тому же времени, Растоп-

чинъ тотчасъ назначилъ и. д. коменданта Москвы Спиридова (комендантъ Москвы генераль-лейтенантъ Гессе вернулся только 25 ноября) и въ тотъ же день отдалъ цѣлый рядъ приказаній, касавшихся разбора запасовъ провіанта и фуража, артилерійскаго, понтоннаго и другого имущества, «натасканныхъ» французами въ Кремль.

Ноябрьскія бумаги полны заботами генераль-губернатора объ урегулированіи въ Москвѣ продовольственной части, о возобновленіи дѣятельности тульскаго оружейнаго завода, о приведеніи въ порядокъ дѣлъ московскихъ департаментовъ правительствующаго сената «разбросанныхъ непріателемъ», о приведеніи въ сколько-нибудь сносное санитарное состояніе московскаго военнаго госпиталя, гдѣ «на малыхъ дворахъ» было спѣшно и кое какъ зарыто свыше 150 мертвыхъ тѣлъ и т. д. Весьма многіе документы касаются посильнаго содѣйствія Раstopчина дѣлу фформированія новыхъ полковъ, чѣмъ занимались непосредственно: въ Арзамасѣ, по пѣхотѣ—генераль отъ инфантеріи князь Лобановъ-Ростовскій и въ Муромѣ, по кавалеріи—генераль отъ кавалеріи Кологривовъ. Раstopчинъ, между прочимъ, направлялъ къ нимъ партіями всякихъ воинскихъ чиновъ, потерявшихъ свои части и объявлявшихся въ Москвѣ. Формированіе 10-ти эскадроннаго гусарскаго полка графа Салтыкова все еще продолжалось.

Въ началѣ ноября Раstopчинъ возбудилъ ходатайство объ освобожденіи Московской губерніи отъ очереднаго рекрутскаго набора «въ уваженіе вѣрности и мужества сихъ жителей, доказавшихъ свое усердіе на дѣлѣ повсемѣстнымъ пораженіемъ непріателя» во время партизанской войны въ предѣлахъ губерніи. Чѣмъ это ходатайство разрѣшилось—изъ документовъ не видно.

Наконецъ, изъ тѣхъ же ноябрьскихъ бумагъ мы узнаемъ, что французы передъ очищеніемъ Москвы, понадѣлали въ Кремль и въ другихъ частяхъ города многочисленныя минныя галлерей, нѣкоторая часть коихъ была ими взорвана, а другая осталась заряженной. Для устраненія прористекавшей отъ послѣдняго опасности, Раstopчинъ выхлопоталъ командированіе въ Москву изъ Твери 2-го піонернаго полка подполковника Афанасьева 2-го съ командою минеръ, численностью въ 9 человекъ. При осмотрѣ минныхъ работъ непріателя, Афанасьевъ набрелъ на рядъ полубрушившихся отъ взрывовъ галлерей, при чемъ многія данныя заставляли предполагать, что минныя камеры съ зарядами имѣются и за обвалами. Для проникновенія къ такимъ камерамъ явилось необходимымъ двигаться подъ землю минными рукавами, при чемъ, какъ оно и понятно, такая работа не могла быть выполнена девятью минерами; требовалась по крайней мѣрѣ рота, о чемъ и завязалась переписка. Между тѣмъ, по распоряженію директора инженернаго департамента генерала Опермана, даже Афанасьевъ съ командою былъ отправленъ въ дѣйствующую армію. Раstopчинъ обратился тогда къ управляющему военнымъ ми-

нистерствомъ князю Горчакову съ настойчивою просьбою о присылкѣ другого офицера «съ искусными въ семь дѣлѣ работниковъ», но просьба эта до конца 1812 года уважена не была.

Въ декабрьскихъ бумагахъ особо интересныхъ свѣдѣній не находимъ. Онѣ полны главнымъ образомъ распоряженій по возобновленіи казенныхъ зданій въ Кремлѣ и въ другихъ частяхъ города и по выдачѣ изъ суммъ, находившихся въ личномъ вѣдѣніи генералъ-губернатора, субсидій войскамъ, проходившимъ черезъ Москву, вовсе не имѣвшимъ денегъ и не знавшимъ, откуда требовать таковыя. Помогалъ Растопчинъ въ мѣрѣ возможности и раненымъ офицерамъ, коихъ вновь набралось въ Москвѣ изрядное количество и кои, въ большинствѣ, не получали жалованья съ мая мѣсяца. Отмѣтимъ особо сильную заботѣваемость въ частяхъ ополченія, квартировавшихъ въ московскихъ казармахъ, заставившую вывести эти части въ окрестности Москвы и расположить ихъ по обывателямъ.

Обзоръ журнала графа Растопчина закончимъ указаніемъ на одну упорно повторяемую редакторами настоящаго выпуска Щукинскаго сборника, ошибку въ палеографіи: слово «конduitный» ошибочно читалось ими «кондуктивный». Конduitные списки (*la conduite*—поведеніе) играли въ тѣ времена роль нынѣшнихъ атестацій.

Бумаги Кукуевскаго архива 1813 года, занявшія до 60 страницъ сборника, представляютъ собою малоинтересное слѣдственное дѣло о разграбленіи подмосковной кусковской вотчины малолѣтняго графа Д. Н. Шереметева во время нашествія французовъ. Суть дѣла заключается въ томъ, что часть разграбленнаго имущества была найдена, по отступленіи непріятели, въ домахъ крестьянъ Шереметева, при чемъ крестьяне увѣряли, будто найденные предметы либо были занесены въ ихъ дома французами, либо были найдены въ лѣсахъ. Опекуны малолѣтняго владѣльца Кускова въ концѣ концовъ простили именемъ графа привлеченныхъ къ дѣлу, «пріемля въ уваженіе общія несчастья, отъ нашествія враговъ происшедшія». Единственнымъ интереснымъ, съ исторической точки зрѣнія, документомъ является имѣющееся въ дѣлѣ воззваніе къ «православному народу», относящееся къ началу 1813 года, въ которомъ указывается, что врагъ прогнанъ, что сельскимъ обывателямъ оружіе больше не нужно и что поэтому имъ надлежитъ сдавать всякіе предметы французскаго вооруженія въ ближайшіе храмы. Далѣе слѣдуетъ указаніе, что сказанные предметы, какъ военная добыча, естественно принадлежатъ казнѣ; но, не взирая на это, Государь Императоръ, не желая, чтобы оружіе отбирали у обывателей силою, повелѣлъ уплачивать по 5 рублей за каждое годное къ употребленію солдатское ружье или за каждую пару пистолетовъ; за указаніе же зарытой въ землю или потопленной въ воду пушки была назначена премія въ 50 рублей.

Изъ дѣла о состояніи нѣкоторыхъ учреждений министерства финансовъ по выходѣ французовъ изъ Москвы, 1812 года, видно, что послѣ непріятеля нѣкоторое имущество, принадлежавшее названнымъ учрежденіямъ, осталось неразграбленнымъ. Въ числѣ такого имущества существенное значеніе имѣли: сумма въ 280,000 руб. мѣдною монетою, 2,000 бочекъ вина да запасы желѣза и стали. Послѣдніе запасы представляли собою часть имущества, находившагося въ закладѣ въ казенной учетной банковской конторѣ, часть имущества, подѣ которое было выдано ссудъ 1.623,932 руб.; прочая часть сказаннаго имущества погибла, ибо склады учетной конторы, какъ и ея лавки въ гостинномъ дворѣ, сгорѣли до тла.

По поводу мѣдныхъ денегъ, коихъ имѣлось до занятія Москвы французами слишкомъ 323.000 руб., а найдено лишь 280,000 руб., рачительный чиновникъ министерства финансовъ произвелъ по собственной инициативѣ подробное слѣдствіе. Копошась въ пеплѣ зданій, гдѣ хранились недоставаншія деньги, не находя тамъ ни денегъ, ни слитковъ мѣди и разыскавъ «показчиковъ», увѣрившихъ, будто деньги эти были расхищены подгородными крестьянами въ періодъ сумятицы передъ занятіемъ Москвы, онъ забилъ тревогу и настоялъ на вмѣшательствѣ въ это дѣло со стороны министра финансовъ Д. Гурьева. Однако графъ Раstopчинъ къ такому сыску и къ дальнѣйшему движенію дѣла отнесся далеко не сочувственно и положилъ на письмѣ Гурьева категорическую резолюцію, смыслъ которой заключался въ томъ, что деньги были расхищены французами. Помянутый выше чиновникъ принужденъ былъ успокоиться и ограничиться донесеніемъ по начальству, что графъ Раstopчинъ «предметъ отложилъ по другимъ политическимъ видамъ».

Дѣло ополченія 1812—1813 годовъ въ общемъ не интересно. Въ немъ, между прочимъ, имѣется списокъ 1-й бригады московскаго ополченія, состоявшей изъ трехъ полковъ: 1-го пѣхотнаго (командиръ штабсъ-капитанъ Грамицкій), 2-го егерскаго (штабсъ-капитанъ Марковъ) и 3-го егерскаго (капитанъ Мошинскій); начальникомъ бригады былъ подполковникъ Николай Свѣчинъ. Изъ дѣла видно, что эта бригада была въ бояхъ подѣ Бородинымъ, подѣ Чириковымъ, у Тарутинѣ, у Малаго Ярославца и подѣ Краснымъ. Далѣе узнаемъ, что къ августу 1814 года, т. е. уже послѣ опубликованія распоряженія о роспускѣ ополченій, московское ополченіе состояло изъ трехъ бригадъ, въ коихъ всего состояло на лицо: штабъ офицеровъ—2, оберъ-офицеровъ—39, унтеръ-офицеровъ—164 и рядовыхъ—3,095.

Тирееръ

(Окончаніе слѣдуетъ).